

Тимоти Лейден: «Исследуя как художник собственное синтетическое восприятие, я узнал о себе больше, чем если бы просто размышлял о своем чувственном опыте»

Тимоти Лейден (Timothy B. Layden) – художник, музыкант, автор книг и учитель изобразительного искусства. Родился в США, г.Сиэтл. Выставлял свои работы в совместных и персональных экспозициях в Мексике, Японии, США и Великобритании, участвовал и организовывал социальные и художественные проекты в Испании, Бельгии и Великобритании. Получил степень бакалавра изобразительного искусства в Университете Америки, Пуэбла, Мексика, в 1995 году. и степень доктора наук изобразительного искусства в Университете Барселоны, Испания, в 2005 году. Является активным участником мероприятий, проводимых фондом Artecitta Foundation, членом Ассоциации Синестетов Великобритании (UK-SA) и Международной ассоциации синестетов, деятелей искусства и науки (IASAS). Автор книг «Неправильный» (Irregular One) и «Формы звуков» (The Shape of Sounds). В настоящее время живет и работает в Великобритании.

Расскажите, пожалуйста, как вы пришли к пониманию того, что обладаете синестезией. Какие у вас самые ранние воспоминания об этом феномене и насколько обладание синестезией влияет на ваше понимание себя и своего творчества? Играет ли синестезия другие роли в вашей жизни помимо искусства и творчества? Есть ли иные «необычные» мыслительные процессы или что-то, что кажется необъяснимым, в работе вашего разума?

Мои самые сильные ранние воспоминания о синестетическом опыте связаны со звуком. Один из моих любимых – когда я первый раз услышал трубу, играющую прямо передо мной. Мне тогда было семь или восемь лет. И в школе один из учеников постарше выходил из музыкального класса, дуя в трубу во всю мочь. И вот одна резкая нота накрыла меня вспышкой зазубренных линий и теплых оттенков. Позже я сам стал играть на трубе и на других инструментах. Я часто использую синестетические переживания звука, главным образом формы и текстуры, для определения того, как и что играть. Переживания, подобные тому, что я ощутил в ответ на звук трубы, и когда я был ошеломлен соб-

ственными синестетическими реакциями, особенно выделяются в моей памяти. Я помню случаи, когда звуковые формы проявлялись настолько явно, что еще некоторое время после их исчезновения, я не мог понять, откуда они взялись. Я помню, что всегда видел мир через призму синестезии; звук всегда появлялся в виде движущихся фигур и текстур, которые вызывали еще и цветовые ощущения.

Я не отдавал отчета о том, что обладаю синестезией лет до 20, пока мой друг не узнал о ее проявлениях у своей подруги из ее учебников по психологии. Мы разговаривали об этом на вечеринке, и тут я понял, что это описание как раз того, что переживал я сам. После этого открытия я начал читать об исследованиях синестезии. В итоге я открыл себя книгу «Человек, который пробовал формы на вкус» (“The Man who Tasted Shapes”) Ричарда Сайтовика и роман “Память, говори!” Владимира Набокова. Они помогли мне постичь некоторые ключевые факты о синестезии так же, как и их субъективную основу.

Уже будучи аспирантом факультета изобразительных искусств я продолжил изучать влияние невизуального опыта на современное изобразительное искусство, включая и возможное влияние синестезии как на творчество конкретных художников, так и в целом. В дополнение к теоретическим исследованиям я изучал свой личный синестетический опыт, который воплощал в звуковых и визуальных произведениях искусства. Эта работа, хотя и теперь играет заметную роль в моей художественной практике, получила наибольшее выражение в моем пост-докторском художественном проекте «Формы звуков» (theshapeofsounds.com).

Исследуя как художник собственное синтетическое восприятие, я узнал о себе больше, чем если бы просто размышлял о своем чувственном опыте. Процесс исследования включал для меня не только размышления о том, что именно я испытывал, но и фиксирование входящих ощущений, вызывающих синестетические реакции. Я делал это путем многократных записей и прослушиваний определенных звуков с целью зафиксировать различные аспекты своих переживаний в картинах, рисунках и текстах. Прежде всего, синтетические ощущения, которые я выбирал как основу для вдохновения в работе, отличались своей силой, иногда во время экспериментов становясь до реалистичности материальными. Я был не в состоянии понять, что происходило в моем мозгу и как я мог переживать такое.

Я заметил, что мои синтетические реакции на звук отличаются большей яркостью, когда источник звука находится вне поля зрения, независимо от того, известен ли он мне или нет. Оставался вопрос, было ли это потому, что мой мозг пытается установить связь между физическим миром и окружающими меня невидимыми звуками посредством создания зрительных ощущений, привязывая их к этим звукам. Это выявило и

другие аспекты моих интеллектуальных процессов в их связи с воображением: абстрактные понятия вызывают у меня, в основном, объемные формы, цвет и текстуру; например, переживания эмоций, событий и мест проявляются в моем сознании конкретными объемными формами, цветами, текстурами и фигурами, которые переживаются в качестве единственно подходящих им ощущений. Это отличается от моих переживаний звуков и возникает, скорее, изнутри как часть работы воображения, а не снаружи, как с объемными формами, порождаемыми звуком.

О чем вам говорит ваша синестезия? Чему синестезия может научить других? Другими словами, что может синестет знать о своем разуме, мире, искусстве, что не является очевидным и не “открыто” для людей без синестезии?

В моем понимании, синестезия – это результат работы определенных типов строения нервной системы, который проявляется в систематическом соединении двух и более потоков получаемой сенсорной информации, что приводит к смешению чувств. В моем случае звук воспринимается не только слухом, но и пространственно, кинестетически и визуально. Я так же воспринимаю абстрактные понятия за пределами их обыденных значений и общепринятых ассоциаций, ощущая их объем, цвет и форму, что, возможно, связано с моими бессознательными эмоциональными переживаниями.

Синестезия, вероятно, может научить нас тому, каким образом представления и понятия формируются на самом базовом уровне. Она так же может дать понимание, как человеческий разум, равно как и интеллект других разумных животных, использует базовые элементы понятийного мышления в творчестве и в процессе решения задач. Помимо этого, синестезия может показать нам структуру личности, индивидуальности и даже предрассудков. Люди с синестезией часто переживают то, что на их взгляд кажется весьма очевидным, но для других такой опыт может показаться невразумительным и даже абсурдными. В то же время, исследования человеческого опыта, такого как синестезия, могут подчеркнуть важность изучения разных типов восприятия и расширить наше понимание, указав на то, что существует огромное количество способов восприятия реальности. А это, в свою очередь, может привести к новому пересмотру наших способов понимания мира.

Как вы могли бы описать идеальный образец синтетического искусства, или абсолютный опыт или образ жизни, которые ощущаются вами наиболее комфортными и входя в резонанс с вашей синестезией?

Чтобы произведение искусства имело максимальный эффект, знания и опыт художника должны соответствовать тому, кто это произведение воспринимает. Принимая это во внимание, я бы назвал работами, кото-

рые мне нравятся больше всего и которые ближе всего к моему представлению о “совершенстве”, те, что были созданы настолько искренне, насколько художнику позволили его опыт, навыки и способности.

Что касается “синестетического искусства”, то наиболее успешные работы в этом направлении были сделаны художниками, которые сами являлись синестетами. Говорю так, потому что сам тесно работал с художниками, которые не были синестетами, но все же делали попытки представить синтетический опыт, основанный лишь на впечатлениях, полученных от других. Мне редко нравились их работы. С другой стороны, сотрудничество опытных художников и синестетов может дать впечатляющий творческий результат: фотоработы Доминика Девиса (Dominic Davies), сделанные в сотрудничестве со звуко-вкусовым синестетом Джеймсом Воннертоном (James Wannerton) стали темой для увлекательнейших обсуждений синестезии. Синестетическое искусство может оказывать очень сильное влияние, если зрителя привлекают к роли участника творческого процесса и, таким образом, отчасти приглашают пережить синестетические ощущения самого художника. Так, например, Кристина Соффинг (Christine Söffing) создает интерактивные работы, включающие зрителя во взаимодействие с объемными геометрическими формами, ощущения которых возникает у нее в качестве реакции на звуки. При этом зритель получает возможность войти в пространство между ними, потрогать их и услышать. В то же время, для полного эффекта такое прямое взаимодействие не является обязательным. Если художник способен создавать образы такой силы убедительности, что нельзя не вовлечься и не остановиться в размышлениях, то история заложенная в такую работу озволит зрителю мысленно приблизиться к восприятию художника. Пепа Салас Вилар (Pepe Salas Vilar), чье восприятие обращает образы людей в цветовые ощущения, в своих картинах сопоставляет черно-белые изображения людей с яркими абстрактными формами, которые находятся как бы поверх изображённых фигур, словно синестетические фотизмы, и это буквально приковывает к себе внимание и заставляет устанавливать визуальные отношения.

Каким было ваше первое знакомство с другим синестетом? Понятны ли Вам другие виды синестезии, которых нет у вас? Какие из них вы хотели бы испытать и почему?

Только лет в 30 я установил дружеские отношения с синестетом, который обладал схожим с моим опытом синестезии и всегда с удовольствием был готов уделить время разговорам об этом. Это было изумительно. Было такое чувство, будто я нашел потерянного брата. Чаше всего, когда мы собираемся вместе с другими синестетами, я словно в кругу семьи, то есть с людьми, которые разделяют со мной то, что

мало кто другой понимает. Я люблю слушать о том, как по-разному синестеты воспринимают этот мир и как их восприятие отличается от моего. У меня нет звуко-вкусовой синестезии, хотя из многочисленных разговоров с Джеймсом Воннертоном я стал немного понимать его особенность восприятия. Слушая и читая об опыте, который непохож на мой, я начал полнее осознавать свои переживания и видеть в них то, что раньше от меня ускользало.

Одна форма синестезии, которую я хотел бы испытать, пусть это меня и пугает, это синестезия зеркального прикосновения. Иногда мне хочется, чтобы моя синестезия на понятия в виде цветных объемных форм стала более яркой. Я бы хотел видеть фигуры прямо перед собой как реальные предметы, которые бы не искажались и не стирались, когда что-то отвлекает мое внимание, и уметь чувствовать их на ощупь, исследуя со всех сторон.

Какое из своих произведений искусства вы считаете самым показательным воплощением своей синестезии? Помните ли вы, как создавали его? Кто из художников, о котором достоверно не известно, что он был синестетом, тем не менее, по вашему ощущению, был таковым? Почему?

В моем творчестве в период с 2008 до 2010 года преобладала одна серия произведений. Это серия называется “Формы звуков”. Состоит она из 11 видов звуковых ландшафтов, около 100 пробных набросков, 11 акварельных рисунков и 11 масляных картин. Этот проект начинался, как я говорил сам себе, как сафари по синестезии, в котором я охотился за самыми представительными звуковыми формами, захватывая их при помощи звукозаписывающих устройств и затем фиксируя на бумаге. Точь-в-точь, как если бы исследователь и художник Эрнст Геккель документировал недавно открытый им новый вид медуз. Эти первоначальные рисунки легли в основу серии моих визуально-звуковых ландшафтов в акварельных зарисовках, которую я завершил более крупными масляными картинами, создав, таким образом, своего рода зверинец из своей звуко-фигурной синестезии. Серия “Формы звуков” была самой длительной и захватывающей из всех моих проектов. Она полностью изменила мой взгляд на собственный опыт. Я научился с большей наблюдательностью анализировать свое восприятие, работая над арсеналом визуальных произведений искусства, которые я мог бы использовать для выставок и дискуссий о синестезии.

Франтишек Купка – один из моих любимых художников XX века. Его работы произвели огромное влияние на абстрактное искусство. Обладал ли он какой-то из форм синестезии или нет, мне неизвестно, хотя по моим ощущениям, его работы обращаются к границе между системами чувств.

Одним из современников, чьи работы несут влияние Купки, является художница Жули Мехрету (Julie Mehretu). У абстрактных экспрессионистов потенциал создания образов при передаче невизуальных ощущений заложен в экспериментах и свободе от форм, что зачастую привносит в их полотна естественные, органически выглядящие элементы, вписанные в более замысловатые визуальные образы. Мой опыт синестезии наполнен такими типами, по-видимому, случайных органических форм, и многие работы абстрактных экспрессионист мне нравятся тем, как мое восприятие раскрывает в них объемные формы звуков.

Как Вы считаете, каким образом люди воспринимают синестезию, которую вы выражаете в своем творчестве? По-вашему, синестезия изолирует вас или объединяет с другими людьми? Могли бы вы использовать синестезию как творческий прием еще шире, чем сейчас? Осмелились бы, даже несмотря на риск быть неверно понятым?

Я не всегда понимаю, как мои работы воспринимают другие. Я чувствую, что многие не хотят, чтобы художник сопровождал их рассказы о подробностях их создания; они хотят постичь их сами. Но вместе с тем, помимо творческих исканий, я посвятил себя распространению знаний о синестезии и тому, чтобы призвать других уделять больше внимания собственным чувственным переживаниям. Я организую обсуждение своих работ всегда, когда к этому располагает ситуация. Такие беседы часто приводят к обмену удивительными идеями, которые оказываются исключительно полезными для меня и моих собеседников. Мне посчастливилось впоследствии через интернет ли, на выставках или через общие знакомства общаться с теми, кто когда-то познакомился с моим творчеством. Среди них есть студенты-искусствоведы, журналисты и ученые, художники и просто люди, интересующиеся искусством и новыми идеями – то есть те, которым хотелось бы узнать больше о моих работах или из моих работ.

Мне кажется, что многие из тех, кто невосприимчив к пониманию синестезии и другим неординарным представлениям о том, что может лежать в основе художественного творчества, не только закрыты к тем или иным идеям, но и закрыты в целом ко всему, что может противоречить их мировоззрению. Я надеюсь своим творчеством бросить вызов таким зрителям, возможно, застав их врасплох и побудив к иному взгляду на вещи.

Вы художник, чей стиль изображения предметов и оттенков цвета очень специфичен. Не могли бы вы объяснить, какой смысл вы пытаетесь вложить в использование конкретных цветов и форм? Например, у вас есть протрет российской космонавтки Валентины Терешковой, первой женщины в космосе. Ваша манера изображения очень своеобразна. Зачем и как вы написали эту картину? Какое она имеет отношение к синестезии?

В моей работе наблюдается постоянная игра интуитивных реакций на непосредственно воспринимаемое с целью найти их правильное соотношение с объективными реакциями, необходимыми для достоверной передачи того, как я чувственно воспринимаю мир. Когда я вовлечен в процесс творчества, мои действия постоянно переопределяются в соответствии с тем, как меняется предмет творения посредством моих воздействий. В то же время я работаю по плану, основанному на чувственном восприятии и идеях, приходящих и вдохновляющих меня еще до начала реализации практической части задачи, включенной в создание художественного произведения. Сущность материализации художественного произведения подчиняется себе мысль и заставляет идти на компромисс, который погружает меня в то, что чувствуется как акт естественного взаимодействия с природой для запечатления идей под влиянием процесса воплощения их в жизнь и перевода их в нечто новое, ранее невообразимое.

Во время работы я часто использую листы бумаги, чтобы класть кисти и выливать излишки краски, чернил и других остатков вместо того, чтобы просто их выбрасывать. Иногда что-то привлекает меня в этих остаточных пятнах. Я всегда был очарован космическими открытиями и, в особенности, историями о первооткрывателях космоса. Поэтому меня взволновало, когда на столе для рисования я увидел обрамление лица Валентины Терешковой и ее характерную прическу среди абстрактных ярких красок на листе с пятнами от слитой краски. Я работал с этими пятнами, чтобы вытащить Валентину из хаоса, и параллельно с этим на бумаге появлялся образ человеческого сердца, которое, как мне верится, у Валентины было очень горячим; тут же на рисунке проступал и контур сферы. Другие формы и паттерны я выделил вокруг них для создания баланса, о котором шла речь до этого. Я прослушивал записи космоса, которые нашел в интернете, чтобы обратиться к своим синестетическим ощущениям и изобразить фон так, как может выглядеть атмосфера за пределами Земли.

Вы описали, как используете преимущества синестезии при создании художественных произведений. Однако случалось ли когда-нибудь так, чтобы синестезия становилась препятствием на пути создания картины? Ситуации, когда вы начинали понимать – или учились на своих практических ошибках – «Нет, так нельзя»? Если да, то не могли бы вы представить нам несколько примеров?

Некоторые из моих ранних работ сильно подвержены влиянию синестетического опыта, хотя во время их создания я гораздо меньше осознавал, насколько сильно для меня внимание к звукам во время рисования влияет на окончательный результат работы. Только спустя

лет десять после того, как я начал заниматься искусством, я обратил более пристальное внимание на свою синестезию как на его основной источник. После этого я стал более избирательно относиться к выбору записей звуковых стимулов, которыми пользуюсь во время работы над художественным произведением. Но не все мои работы основаны на синестезии. Я работаю над рядом картин, при создании которых важно в какие-то моменты не позволять синестезии заглушать то, что происходит на холсте или бумаге. Я безумно люблю слушать музыку, но часто вынужден удерживать себя от этого, например, во время создания иллюстраций к произведениям, не связанным с синестезией, в частности при исполнении заказов с конкретным заданием. В прошлом я меньше задумывался над тем, влияют ли на меня спонтанные эффекты от неожиданных стимулов. Несмотря на тот факт, что по возможности я свободно предаюсь экспериментальной исследовательской работе, одновременно и создавая что-то, и наблюдая за изменениями своей синестезии, однако сейчас, в процессе работы я все чаще стараюсь контролировать окружающие меня стимулы, чтобы не утратить сосредоточенности на запланированных результатах.

Уделяя особое внимание синестезии, можно ли развить её для применения в художественных целях? Татьяна Фуксман, участник Российского синестетического сообщества, задает вопрос, может ли человек, уже имеющий один тип синестезии, развить ее, включив в свои реакции большее количество сенсорных качеств (скажем, так, чтобы цвет обрел насыщенность вкусом) или даже развить другой тип синестезии? Как насчет вашей синестезии? Получила ли она какое-то развитие, претерпела ли какие-то изменения путем занятий живописью или какими-то иными способами?

Я уверен, что способности восприятия можно развить и усовершенствовать с помощью практики. Как художник особое внимание я обращаю на то, до какого потенциального уровня можно развить ощущения, какие чувства и мысли возникают у меня по отношению к этим ощущениям. Продельвая это, я переживаю свои ощущения гораздо отчетливей и прочнее сохраняю в памяти все то, что переживаю. Путем работы над произведениями искусства, которые являются прямым отражением моего сенсорного опыта, эти подробности у меня сильнее запечатлеваются – так, как если бы они существовали в многослойной форме. Именно благодаря тому, что я снова и снова сталкиваюсь с этим опытом, я стал обнаруживать все больше и больше ранее не замечаемых аспектов того, что могут улавливать мои чувства и как как может реагировать на это мой мозг.

Наверное, эти процессы, которые я стал лучше осознавать посредством занятий искусством, всегда были частью того, что происходило с моим сенсорным восприятием, но потребовалось умелое

наблюдение и размышление, чтобы распознать и вникнуть в эти тонкости. Я всегда знал о своей синестезии на звуки и об идеастезии, которую испытываю в связи с определенными видами понятий. Никаких совершенно новых форм синестезии, которые я бы заметил, посредством занятий искусством во мне не развилось; но то, что я уже и без того испытывал, через искусство сильно обогатилось. Тем не менее, благодаря участию в исследованиях синестезии, я приобрел обширные знания о целом спектре синестетических ощущений и умение понимать другие способы восприятия мира.

Перевод:

*Софья Вторникова
Анастасия Мальшевская*